

УДК 821.112.2

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ФИЗИКО-МОРАЛЬНЫХ ПОЭМ Б.Х. БРОККЕСА

А.В. МОРДЯХИНА

(Представлено: Л.И. СЕМЧЁНОК)

Рассматривается художественное своеобразие натурфилософской лирики Б.Х. Броккеса. Анализируются его «физико-моральные» поэмы «Дождь» и «Горы». Показано, как в рамках одного произведения сливаются воедино религиозная мораль и изложение определенных научных фактов.

XVIII век – эпоха величайших социально-политических и культурно-эстетических сдвигов в жизни Германии, время формирования основ гражданского общества и национального характера, время обращения к разуму и чувству, как единственным источникам истинного знания о мире. Художественно-эстетические концепции эпохи Просвещения послужили предпосылкой повышенного интереса писателей XVIII столетия к различным жанрам дидактической поэзии, основная цель которой – «представить полезную информацию (как этическую, так и эстетическую или естественно-научную) в стихотворной форме» [1]. Дидактическая поэзия, развивавшаяся еще с античных времен, укрепляет свои позиции в жанровой системе просветителей как наиболее доступное средство воздействия на широкие массы с целью распространения «подлинной разумности» [2, с. 9].

Одним из создателей немецкой дидактической поэзии XVIII века был гамбургский патриций Б.Х. Броккес (Barthold Hinrich Brockes, 1680–1747). Он был одновременно и поэтом барокко, и поэтом-просветителем. Раннее творчество писателя опирается на библейские сюжеты и содержит в себе ряд признаков эстетики барокко: метафоричность, гротеск, драматизм и контрастность. И все же большая часть его работ относится к жанру философских описательных поэм, соединяющих барочную экспрессивность и просветительскую рациональность. Броккес находит покой и умиротворение лишь в природе и ее богатствах, уходя туда от всех социальных невзгод и деспотизма вышестоящих особ.

Особое место в творчестве поэта составляют его научно-дидактические (по определению самого поэта – «физико-моральные») поэмы, представляющие собой инновационное явление в немецкой литературе раннего Просвещения. В своих работах поэт сочетает религиозно-моральные наставления с научными фактами, тесно переплетая их друг с другом, и, в конечном итоге, формируя наиболее полное представление о том или ином природном феномене. Для его естественнонаучных поэм типичны описательность, тщательность в отборе явлений природы и исключительная точность характеристики разных ее свойств. В них поэт поднимает научные проблемы, разъясняет значение таких явлений, как гром и молния, говорит о составе воздуха и воды, вводит пространственные рассуждения о совершенстве природы. Недаром современники Броккеса называли его поэмы «рифмованными физико-богословскими трактатами» [3].

В «физико-моральных» поэмах популяризация научных мыслей о предмете связана с описанием чувственных впечатлений от него, а морально-религиозные размышления – с научными сведениями. Так, в начале поэмы «Дождь» (Der Regen, 1727) Броккес сразу же, без лишних отступлений повествует читателю о том, как возникает дождь, упоминая, впрочем, при этом, что данное явление свершается «в честь мудрого Творца» (*zu des weisen Schöpfers Her*). Поэт поясняет читателю, что испарения, поднимающиеся от морей и земли, возвращаются обратно, чтобы почва всегда оставалась плодородной:

*Daß die reiche Schooß der Erde
Nicht, versteint, unfruchtbar werde;
Ziehn sich, aus der Erd' und See,
Dünste stetig in die Höh' [4].*

(«Чтобы богатые недра земли // Не окаменели, не стали бесплодными, // Поднимаются из земли и моря // Испарения постоянно в вышину»¹).

Уже в первой строфе автор подчеркивает важность дождя для мира, который окружает человека, и, все же, на первом месте – акцент на божественной первопричине всего происходящего: без живительной влаги, которая возникает благодаря Творцу, земля была бы абсолютно безжизненна и недееспособна.

Тучи в поэме – не символ опасности или печали, наоборот, светящее в момент повествования солнце они будто бы накрывают тонкой растянутой вуалью, из-за чего все вокруг начинает искриться серебром, золотом (*versilbert und verguldet*).

¹Здесь и далее перевод мой. – А. Мордыхина

Для Броккеса дождь – не просто падающие с неба капли, он с необычайной тщательностью поясняет читателю, как и откуда он появляется. При этом поэт избегает в своих объяснениях сухого научного языка. Автор описывает определенное природное явление глазами впечатлительного и вдохновленного человека, не забывая, однако, через сравнения передать важную информацию:

*Erd' und Fluhtträg't hier die Lüfte;
Droben träg't die Luft die Fluht.
Daß die Last der feuchten Däfte
Auf so leichten Stützen ruht,
Kann kein Menschen-Witz ergründen,
Ja, recht als beleb't von Winden,
Treibt der Wolcken fliegend Meer
Grund- und Ufer-los daher [4].*

(«Земля и поток несут воздух; // Наверху воздух несет поток. // Как груз влажных ароматов // Опирается на столь легкую опору, // Не дано постичь человеку, // Да, как ожившее благодаря ветрам // Море из облаков спешит из ниоткуда в никуда»).

Перед читателем постепенно вырисовывается картина надвигающегося дождя, который приносит с собой не только спасение засохшей почве, но и чувство умиротворения. «Плод распухших облаков» (*Der geschwollenen Wolken Frucht*) распределяет влагу по страдающим от жажды полям, питает луга, леса и сухой песок и в конце освежает листву и землю (“*Und erfrischt Laub und Land*”). Броккес словно отсылает нас к центральной идее просветительской идеологии: разум и знания, как спасительный дождь, оживляют умы людей, возвращая в них нечто абсолютно новое.

В шестом столбце своей поэмы Броккес вновь возвращает читателя к своему исходному тезису, к осознанию того, что подобное явление возникло не просто так, по собственной воле. Об этом сообщает наблюдающему лирическому герою сам дождь:

*Diese Tropfen, wenn sie fallen,
Hör't man gleichsam rauschend lallen:
Nimm, o Mensch, in uns in Acht
Gottes Lieb' und weise Macht [4]!*

(«Когда падают эти капли, // Услышать можно, как они бормочут: // Через нас, человек, внимательно всмотрись // В Божью любовь и мудрую силу!»)

Капли хранят в себе Божью благодать, спуская ее на землю с каждым приходом дождя, и человеку не стоит бояться подобной непогоды: через нее он может постичь самого Творца, ощутить ниспосланное им благословение и познать то неизведанное, к чему он часто стремится.

В следующих строфах поэт снова возвращается к дождевым каплям, падающим с деревьев и даже гор, которые в итоге сливаются в несколько водяных потоков:

*Kann man mit Vergnügen sehen,
Wie viel Wasser-Fäll entstehen [4].*

(«Можно с наслаждением наблюдать, // Как много возникает водопадов»).

И в своих научно-дидактических поэмах, и в стихотворениях, причисляемых к натурфилософской лирике, Броккес умело пользуется одним и тем же художественным приемом: выбирая в качестве отправной точки определенную мелкую деталь окружающего мира (например, дождевые капли) он постепенно переходит на все более высокие уровни наблюдения над природой. Впрочем, дальше вода снова делится на составные части (*sie sich in Tropfen theilen*) и с особенным, «мягким шумом» (*sanftem Krachen*) начинает булькать и пузыриться.

*Spür't das Hertz in uns'rer Brust
Eine nie gespür'te Lust[4].*

(«Сердце в нашей груди ощущает// Никогда прежде не испытываемую радость»).

Лирическому герою нравится наблюдать за дождем и танцем капель; он подмечает и то, как они собираются в одно целое, и то, как они снова разъединяются, чтобы снова создать нечто единое. Вместе

с ним причудливые звуки дождя слышит и читатель, ведь все вокруг «хлопает и шипит» (*klatscht und zischt*). Обычная непогода ближе к концу превращается в бурлящие ручьи и ревущий поток, но и эта разбушевавшаяся стихия достаточно быстро успокаивается:

*Und, voll Luft, als wenn sie leben,
Sich bewegen, drehen, schweben,
Bald zerplatzen, bald entstehn,
Balder scheinen, bald vergehn* [4].

(«И, полные воздуха, словно живые // Они движутся, вертятся, парят, // То лопаются, то образуются вновь // То появляются, то исчезают»).

В последнем столбце Броккес снова обращается к читателю, призывая того обратить внимание на то, что Создатель, выказывающий любовь и благосклонность (*des Schöpfe rLieb' und Gunst*), обладает мудрой чудесной силой (*weise Wunder-Stärke*), которая и управляет подобным невероятным феноменом. Поэт сравнивает дождь с неким «водяным искусством» (*wie eine Wasser-Kunst*), благодаря которому окружающему миру удается оставаться прекрасным:

*Und dadurch die schöne Welt
In der Fruchtbarkeit erhält* [4].

(«И благодаря этому прекрасный мир // Приобретает плодovitость»).

В поэме «Дождь» Броккес словно проводит тонкую аллгорию на стремительно наступающую эпоху Просвещения, которая сравнима с диким бурлящим потоком, который воскрешает, казалось бы, давно уже засохшее и забытое. Наряду с этим поэт попеременно подает читателю художественно обрамленные научные факты возникновения дождя и религиозные размышления о роли Бога в происходящем в мире.

Другая поэма Б.Х. Броккеса, «Горы» (*Die Berge*, 1724), открывается четкой формулировкой авторского замысла, который поэт и раскрывает на протяжении всего повествования:

*Lasst uns Gott ein Opfer bringen,
Und, Sein' Allmacht zu erhöh'n,
Auch der Berge Bau besingen* [4].

(«Принесем же жертву Господу // И, дабы возвеличить его всемогущество, // Воспоем возникновение гор»).

Горы представлены взору читателю «невероятно красивыми» (*so ungeheuer schön*) и вызывающими радость и восхищение. Это восхищение поэт передает часто повторяющимися восклицаниями, благодаря чему поэма приобретает несколько возбужденные, экзальтированные интонации:

*Welche Körper! welche Spitzen!
Welche Welt von Kies und Stein!
<...>
Was für Spalten! welche Gräfte!
Welche Klippen! Welche Klüfte* [4]!

(«Какие тела! какие вершины! // Целый мир из гравия и камня! <...> Что за расщелины! какие пещеры! // Какие скалы! какие ущелья!»).

Для Броккеса горы – не просто природное явление, это отдельный мир, состоящий из сотен взаимосвязанных частей. Каждой из этих частей лирический герой уделяет внимание, каждая становится для него чем-то особенным, достойным восторга, ибо создает это ощущение величия:

*Ihre graue Häupter decken
Unvergänglichs Eis und Schnee,
Ihre Felsen-Füsse stecken
In dem Grund der tiefsten See* [4].

(«Их серые головы покрывает // Вечный лед и снег, // Их ноги-скалы упираются // В дно самого глубокого моря»).

Горы рисуются сильными и стойкими, им постоянно приходится выдерживать мороз, жару, гром, град, бури и молнии. Они «неизменные» и «непоколебимые» (*inverändert, unbewegert*), даже несмотря на то, что прошедшие годы бесконечно грызут их тело (*Soviel Jahre, soviel Zeiten // Nagen auf der Berge Rumpf*²). Возможно, именно таким представлялся поэту человек эпохи Просвещения: волевым, мужественным и мудрым, как пережившие несколько тысячелетий мучений горы.

Отнести данную поэму к числу «физико-моральных» позволяет и огромное количество присутствующих в ней научных сведений, как то перечисление животных, которые приспособились жить в горах:

*Hölen, wo die Wölfe und Eulen,
Schlangen, Bären, Sturm und Wind
Brausen, zischen, schreyen, heulen [4].*

(«Пещеры, где волки и совы, // Змеи, медведи, буря и ветер // Ревут, шипят, кричат, воют»).

Животный мир поставлен здесь в один ряд с такими явлениями природы, как буря и ветер, они все издают одинаковые звуки. Отсутствие четкого разделения на мир живой и неживой природы объясняется центральной идеей произведения, ведь все они части того мироздания, что было создано Богом. И животные, и ветер, и сами горы действуют как единое целое: что-то дает возможность для жизни, что-то создает эту самую жизнь. Они образуют один большой механизм, который функционирует благодаря слаженной работе всех, даже самых мелких частей, начиная от «гнилого мха» (*einfaules Moß*) и заканчивая седыми вершинами гор, и это многообразие природы трудно осознать и принять человеку:

*Welcher Mensch kann wohl begreifen,
Wie sich doch an einem Ort
So verschied'ne Felsenhäufen [4]?*

(«Какой человек сможет полностью постичь, // Как на одном месте // Может взгромоздиться столько различных скал?»)

Постепенно лирический герой обнаруживает в горах мрамор, мел, гравий и гальку, которые он называет «уважаемыми внутренностями» (*Ihr geschätztes Eingeweide*). Далее он находит и более значительные горные элементы:

*Alle kostbare Metallen,
Diamanten, Berg-Krystallen,
Silber, Gold (der Menschen Lust)
Steckt in ihrer finstern Brust [4].*

(«Все бесценные металлы, // Бриллианты, горные кристаллы, // Серебро, золото (радость для человека) // Есть в их темной груди»).

Поэт рисует перед читателем картину природного изобилия, представленного в горах – на их вершинах и внутри – можно найти все, что угодно; там гармонично сосуществуют самые различные природные элементы – дикие и домашние животные (ягнята, овцы, коровы (*Lämmer, Schaf und Küh*)), а, значит, и человек может там найти себе место. Богатство и изобилие гор позволяют Броккесу завершить свою поэму традиционными для его стихотворных опытов словами, воспевающими всемогущество Творца:

*Wer's Geschöpfe nicht betracht't,
Schändet seines Schöpfers Macht [4].*

(«Кто не созерцает творения, // Бесчестит силу Создателя»).

Это своеобразное напоминание читателю о том, что любое создание природы следует расценивать не только как объект для научного изучения. Следует наблюдать за ним, созерцать, как прекрасное произведение искусства, постараться слиться со всем тем, что существует в горах. Это, по мнению Броккеса, совершенно другой мир, самостоятельный и независимый, который можно познать только через веру в Бога и полное подчинение законам природы.

²Так много лет, так много времени // Глодали горное туловище.

Таким образом, главными элементами «физико-моральных» поэм Б.Х. Броккеса выступают природа – то, что можно видеть и осязать, и Бог – высшее начало, которое можно познать только через любовное созерцание его творениями. Поэт тонко подмечает даже самую незначительную деталь, создавая вокруг нее картину необъятного вселенского масштаба. Природа в его произведениях тесно связана с непоколебимой верой в Бога; одно исходит из другого, и Броккес, как поэт эпохи Просвещения, наставляет читателей, связывая функционирование природы, разума и веры в единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дидактическая поэзия. Словарь античности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ant.liim.ru/articles/16di/di014.html>. – Дата доступа: 14.04.2017.
2. Синоло, Г. В. История немецкой литературы XVIII века : учеб. пособие / Г. В. Синоло. – Минск : БГУ, 2012. – 400 с.
3. История немецкой литературы : в 3 т. : пер. с нем. / редкол.: А. Дмитриева. – М. : Радуга, 1986. – Т. 2. – 344 с.
4. Barthold Heinrich Brockes. Gedichte [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Brockes,+Barthold+Heinrich/Gedichte>. – Дата доступа: 29.04.2017.